

Мария Степанова Spolia

мы не вещи
не черешня
не скворешни
не черешня

мы не мы ты
мы не мы же
в роще мирты
сплю и вижу

за ме жа ми
я зы ка мы
медвежами
музыками

мы не зы

Мария М. Степанова

Spolia

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21853100

Степанова М.М. Spolia: Новое издательство; Москва; 2015

ISBN 978-5-98379-203-6

Аннотация

Мария Степанова родилась в 1972 году в Москве. Автор поэтических книг «Песни северных южан», «О близнецах», «Тут-свет» (все – 2001), «Счастье» (2003), «Физиология и малая история» (2005), «Проза Ивана Сидорова» (2008), «Лирика, голос» (2010), «Киреевский» (2012) и книг эссе «Один, не один, не я» (2014) и «Три статьи по поводу» (2015). «Spolia» объединяет два больших стихотворных текста, написанных в 2014 и 2015 годах.

Содержание

Spolia	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Степанова

Spolia

© Мария Степанова, 2015

© Новое издательство, 2015

* * *

Spolia

моему отцу

если собрать в кучу,
было сказано вот что —

она не способна говорить за себя,
потому в ее стихах обязательны рифмы

и фальсифицируются отжившие формы

ее материал
не хочет ей сопротивляться
дает поцелуй без любви, лежит без движения

таких как она ставят на табуретку,
прочти нам про друг прелестный

из таких, как она, в советское время делали
переводчиков
умеренных аккуратных

где ее я, положите его на блюдо
почему она говорит голосами

(присвоенными, в кавычках:

у кого нет я, ничего присвоить не может,
у кого нет я, будет ходить побираться,
подражать углу, коту, майонезной банке,
и все равно никто ему не поверит)

я бублик, я бублик, говорит без-себя-говорящий.

у кого внутри творожок, у меня другое
у кого внутри оного, натура, культура,
картофельные оладьи, горячие камни,
а у меня дырка, пустая яма
я земля, провожаю своих питомцев

когда меня дожуют

с востока и юга

рты моих едоков, зубы моих постояльцев

когда все крошки вылизет быстрый нолик,
острый язык огня пройдет по сусекам —

я не останусь воздухом волноваться

звукоулавливаясь,

меркнуть нагретой рябью,

пить с непросохших губ молоко и водку

у кого нет я,

может позволить себе не-явку,

хочет отправиться на свободу.

Шел трамвай десятый номер,
На площадке Пушкин помер,
Умер, шумер, свесил ножки,
Вышла горсточка морошки.
Полубогий теоморф,
Разгребай горящий торф!

Рядом с Чердынью и Бельском
На вокзале Царскосельском
Иннокентий Анненский
Умирает от тоски.
И глядит несытой зверью
Весь заплаканный барак
На застрявший в подреберье
Красногубый габриак.

Я не буду быть хорошим,
Воскликает гимназист,
Пусть их пользует Волошин
С бородой как банный лист.
Кипарис, вокзал, массандра,
Вышел Блок и был таков,
Где под солнцем Александра
Ходит кóнем Поляков.

Светят каменные бабы,
Распадаясь на куски,

Летчик Чка читает Шваба,
Собирает колоски.
И с машины поисковой,
Окуляры в окоем,
Большеглазова с Барсковой
Переходят на прием.
Анна Ванна, Анна Ванна,
Я погонщик каравана,
Время видеть поросят!

Умирать как убираться,
Не особо упираться,
Воскресать как воскресят.

видимое обидимое
невиди́мое невреди́мое
всякое побратимое
забродившее в воздухе
задержавшееся в пути
зажатое
в зубах
словодело
словодерево
одеревеневшее
одержавшее
неодержавленное
удержавшееся на весу

хранимое в тайных

полутрещина, полулюдына

пусть сама она выйдет и что-нибудь скажет
(а мы слушаем тебя)

она не выходит
это у нее не выходит

говорение от сердца
(чайковской! я скрывать не стану)
у нее неискренне выходит
и даже кажется, что это говоренье
чего-нибудь повторенье
это она все что-нибудь стилизует
наряжает мертвое как живое

где неповторимая интонация,
трепетное дыхание,
узнаваемая с трех нот
уникальная авторская манера?
(труды не поэта, но инженера)

(не лирика, а механика
показатели не барышни, а механика)

и все время какие-то проекты,
словно быстрый холод вдохновенья
на челе у ней власы не подымал

— ладно, я пригов —
скажу, от вас упрыгав

когда ла-ла она расцвела
в последний раз расцвела
в нашем дворе расцвела
сирень во дворе цвела

и с неба звездочка упала,
и лишь бы не было войны,
и на площадке танцевальной
музыка с утра

май, май, тройцын день
и танцплощадка, плащ-палатка, духовые,
вот наша песня
живы мы и все живые
а если мы мертвы — завидный гроб

(а так цитаты она любит оттого,
что без любви она не может)

я люблю страна твои просторы
я люблю твои столы и горы
и неправдоподобного уицраора
и последнего царя
и китеж, китеж конечно
и над отечеством свободы золоченой
восходит омрак облако заря

как рано запада звезда скатилась под откос
я буду помнить день труда и тень твоих волос
когда тогда в последний раз
когда тогда при нас

а кто последним добежит тот сифа́ и не мужик
и всяк бежит, бежит

и я решил
мне было подсказано
курчавые мраморные перья
снежные эмалевые девы
в золотых народных тюбетейках
рассудительные ласковые дети
синеглазые вы летчики танкисты
пулеметчики, наводчики, уланы,
кистеперые гвардейцы офицеры
косматые сраженцы-ополченцы
и особенно собака-пограничник

цветы сливы в золотой вазе
раннее утро в крыму
балерина, раскрученная влево
хоккеист, не заслуживший кубка
белый профиль в синем медальоне
ясный очерк в золотом овале
самолет, перечертивший облак
геркулес, доверенный омфале

наверно забыла

в переходе на кольцевую линию

Ты помнишь ли Мария
наш темный коридор
послевоенную Россию
военный городок
под радиолу танцы смирные
на расстоянии руки
но золотом и смирною
полны товарняки
какие люди годные
до жизни фронтовой
в твои колени голые
стучали головой
как чай светил там ситечком

вспотевший от жары
и под убогим ситчиком
железные шары
ты помнишь как заплакана
стояла у крыльца
когда у Васьки-дьякона
накрыли подлеца
как вели его веселого
оглянувшегося раза
а потом контрольный в голову
и газик дал газá
как при звуке выстрела
в двери ты вошла
жизнь себя убыстрила
надвое пошла.

мой брат сказал, что ты фашист
запевай, и я запою
мы вернемся, когда распустится лист,
но я на своем стою

тогда в лесу распустится лист
и олень пойдет по тропе
и антифашист перейдет на свист
а лес пойдет на пе

слова привязаны к вещам

веревочкой простой,
а люди в землю к овощам
ложатся на постой

а эти ходят по дворам
со списком и мелком
и лижут край оконных рам
гниющим языком

фашист мышаст ушаст душист
и мшист и голенаст
но воздух знает что не фашист
никто из вас и нас

сними веревочки со слов,
оставь их лежать в углу
и лес отзовет своих послов,
и весь я не умру.

по большой наморщенной водиче
под вечерней звездой
от того бережочка
отплыл деревянный ящик

капитана на нем не слышно
матросов на нем не видно
всего и видно что слабое свечение

(близится оно к нашему дому)

всего и слышно что тихое шуршанье
словно в трюме не спит крошится
пересыпается горсть за горстью
всего и слышно, как воск трещит и каплет
и вода кафизму за кафизмой
читает потом смывает
потом читает и смывает

прости меня, прости меня, друг милый
пускай погибну
не в этом дело

не беги по берегу за мною
по-без дороги
ноги сбивая
не ищи мой деревянный ящик
на отмели
в камышатах

главней всего не снимай с него крышки
отрекись от старого мира
не снимай с меня крышки

не возвращайся к маме
не говори по селам
меловыми окаменевшими устами

*дорогие товарищи братья и сестры братие
и дружино*

выйди от меня я человек грешный
говорит орлица встречному ветру

выйди от меня я человек нетвердый
говорит рукам красная глина
выйди от меня
я не человек вовсе
я простое записывающее устройство

трррррррр чирр чивир
пить пить пить пить

и выпал свет. и стало как-то:

лазурь сошла как катаракта

под низким небом веретенным
идет паром на ближний берег
две легковушки, мотоцикл ява
баба в платке, лица не видно

молодые красивы, старые краше

магазин без названья
буханки хлеба на полке
стоят, как в строю рядовые
еще горячие на ощупь

и каждый нехотя остынет

за заводской проходною
шиповник в малиновых манжетах
в безумьи показывает место
откуда исходит запах
где же ты лектор из райцентра

дорогая, как долго
небольшая наша машина
едет-едет по мбóсту
не сходит с этого места

ясно горят высокие башни
на них говорят высокие флаги
строятся в ряд небесные звезды
летят быстроходные самолеты

идут на парад тяжелобрюхие танки

боевые колесницы
дельфины-герои
ласточки-смертницы
лвы, отобранные по росту и рыку
люди люди и люди

над ними плывет вишневая яблонь
белой акации душистые гроздья
гофрированные бумажные маки
головы,
насаженные на палки

вдруг-свечение нескольких лиц в метро
лампочки в грозу на проводе черном

Когда вместо нежных каракул,
Где буря и мельничный шум,
Ты видишь, что умер гомункул
И ручки прижаты к ушам,
А справа и слева арапы
Все туже сдвигают стежки —
Ты встанешь в преддверии РАППа
И вовсе забудешь стишки.

Густая советская роза
Муштрует упрямый дичок,
А он до последнего раза
Все глубже в кусты и молчок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.